

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024 № 3 (110). С. 9–18.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024
Vol. no. 3 (110). P. 9–18.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 342.722

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

ДОСТУП НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО К ПРАВОСУДИЮ, КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

Белозерцева Виктория Владимировна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Российская Федерация, г. Иркутск
sarrav@mail.ru

Введение. Дети являются высшей ценностью и потенциалом любой нации. Ребенок нуждается в особой правовой защите со стороны государства, потому что в силу возраста в полной мере не способен понимать свои потребности и реализовывать их самостоятельно, не способен самостоятельно отстаивать и защищать свои права. Нормы международного права закладывают фундамент для создания норм права, регулирующих защиту прав детей, в том числе и путем предоставления ребенку доступа к правосудию. Конвенция о правах ребенка 1989 года содержит основополагающие положения, которые имплементированы в национальное законодательство государств, подписавших ее, Российская Федерация не является исключением. Государства пошли различными путями, реализуя нормы Конвенции, хотя каждое из них гарантировало полноценную защиту прав ребенка.

Материалы и методы. Нормативную основу исследования образуют: Конституция Российской Федерации, Конвенция о правах ребенка 1989 г., семейное, гражданское и гражданское процессуальное законодательство в части, регулирующей доступ несовершеннолетнего к правосудию, обобщенные материалы правоприменительной практики Верховного Суда Российской Федерации, отражающие позицию Суда по исследуемому вопросу. Методологическую основу исследования составил общенаучный диалектический метод; логический, систематический методы, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, обобщения и описания; частнонаучный метод: формально-юридический.

Результаты исследования: позволили осветить имплементацию норм Конвенции о правах ребенка 1989 г., касающихся предоставления несовершеннолетнему права доступа к правосудию, как неотъемлемого права человека, определить элементы содержания процессуальной правосубъектности несовершеннолетнего, дать анализ нормам российского законодательства, обеспечивающим несовершеннолетнему право быть заслушанным в суде, выявить позицию Верховного Суда Российской Федерации относительно применения норм права, закрепляющих права несовершеннолетнего на доступ к правосудию, провести сравнение некоторых терминов, используемых в Конвенции о правах ребенка и российском законодательстве при регулировании процессуальных прав несовершеннолетних.

Выводы и заключения. Российское законодательство обеспечивает реализацию норм Конвенции о правах ребенка 1989 г., закрепивших право несовершеннолетнего быть

заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном нормами национального законодательства (ст. ст. 56, 57 СК РФ). Российское законодательство, как и Конвенция, не предусматривает минимального возраста, с которого ребенок может быть заслушан в суде. Практика российского судопроизводства идет по пути предоставления права быть заслушанным любому ребенку, способному сформулировать свои взгляды. Конвенция о правах ребенка закрепила само понятие «ребенок», российское законодательство не употребляет данный термин, пользуясь обозначением той или иной возрастной категории несовершеннолетних. Международное право не дифференцирует процессуальную правосубъектность несовершеннолетних в зависимости от возраста, российское законодательство, напротив, осуществляет дифференциацию правосубъектности несовершеннолетних, постепенно предоставляя им часть ее содержания, активно используя институт представительства, тем самым обеспечивая несовершеннолетним полноценный доступ к правосудию. Право быть заслушанным в суде, предусмотренное ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г., является лишь частью содержания процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, предоставляемой законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: несовершеннолетний, права ребенка, правосубъектность, дееспособность, процессуальные права, международное право, опека, право быть заслушанным в суде, судебная защита, доступ к правосудию.

Для цитирования: Белозерцева, В. В. Доступ несовершеннолетнего к правосудию, как неотъемлемое право человека / В. В. Белозерцева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3 (110). С. 9–18.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences)

Original article

ACCESS OF MINORS TO JUSTICE AS AN INALIENABLE HUMAN RIGHT

Victoria V. Belozertseva

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation, Irkutsk
sarrav@mail.ru

Introduction: children are the supreme value and potential of any nation. A child needs special legal protection from the State because, due to his or her age, he or she is not fully capable of understanding his or her needs and realising them independently, nor is he or she able to assert and defend his or her rights independently. The norms of international law lay the foundation for the establishment of norms of law governing the protection of children's rights, including by providing children with access to justice. The 1989 Convention on the Rights of the Child contains fundamental provisions that are implemented in the national legislation of the States that have signed it, and the Russian Federation is no exception. States have taken different paths in implementing the norms of the Convention, although each of them has guaranteed full protection of the rights of the child.

Materials and Methods: The normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation, the Convention on the Rights of the Child 1989, family, civil and civil

procedural legislation in the part regulating the access of minors to justice, generalised materials of law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation, reflecting the position of the Court on the issue under study. The methodological basis of the research was formed by the general scientific dialectical method; logical, systematic methods, cognitive methods and techniques of observation, comparison, generalisation and description; private-scientific method: formal-legal.

The Results of the Study: made it possible to highlight the implementation of the norms of the 1989 Convention on the Rights of the Child concerning the right of a minor to access to justice as an inalienable human right, to define the elements of the content of the procedural legal personality of a minor, to analyse the norms of Russian legislation ensuring the right of a minor to be heard in court, to identify the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legal norms enshrining the rights of a minor to access to justice, to compare the rights of a minor to access to justice, to analyse the legal norms of the Russian Federation, and to analyse the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of legal norms enshrining the rights of a minor to access to justice.

Findings and Conclusions: Russian legislation implements the norms of the 1989 Convention on the Rights of the Child, which enshrines the right of a minor to be heard in any judicial or administrative proceedings affecting the child, either directly or through a representative or an appropriate body in accordance with the procedure provided for by the norms of national legislation (Articles 56 and 57 of the Family Code of the Russian Federation). Russian legislation, like the Convention, does not provide for a minimum age at which a child may be heard in court. The practice of Russian court proceedings is to grant the right to be heard to any child who is able to formulate his or her views. The Convention on the Rights of the Child enshrines the very notion of ‘child’; Russian legislation does not use this term, referring to a particular age category of minors. International law does not differentiate the procedural legal personality of minors on the basis of age; Russian legislation, on the contrary, differentiates the legal personality of minors, gradually granting them part of its content, actively using the institution of representation, thereby providing minors with full access to justice. The right to be heard in court, provided for in Article 12 of the 1989 Convention on the Rights of the Child, is only part of the content of the procedural legal capacity of a minor granted by the legislation of the Russian Federation.

Keywords: minor, child's rights, legal personality, legal capacity, procedural rights, international law, guardianship, the right to be heard in court, judicial protection, access to justice

For citation: Belozertseva V.V. Dostup nesovershennoletnego k pravosudiyu, kak neot'yemlyemoye pravo cheloveka [Access of a minor to justice as an inalienable human right]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, no. 3 (110), pp. 9–18.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.49.64.001

«Сбережение народа России – наш высший национальный приоритет. Этим приоритетом определяются все положения обновленной Конституции о защите семьи, о важнейшей роли родителей в воспитании детей»¹. Конституция Российской Федерации² закрепляет основы защиты прав детей. Защита прав детей является одним из приоритетных

¹ О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства : Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 21.04.2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602221614> (дата обращения: 11.02.2024).

² Российская Федерация. Конституция : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, принятыми в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года : в послед. ред. // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 15.02.2024).

направлений политики государства, которое обеспечивается соответствующими положениями законодательства. Защита прав детей – понятие обширное, нормы, регулирующие права детей, содержатся во всех отраслях российского права, а также в положениях международных соглашений.

Термин «защита» с точки зрения русского языка понимается как ограждение от внешней угрозы, нападений и других нежелательных воздействий. В юриспруденции защита – это некая совокупность предусмотренных законом действий, в том числе и облеченных в процессуальную форму, направленных на восстановление нарушенного права, наказание того, кто это право нарушил, и т. д. Осуществить защиту права может только правосубъектное лицо, несовершеннолетний же не обладает в полном объеме таким элементом правосубъектности, как дееспособность. В то же время процессуальная защита права предоставлена дееспособному лицу, для несовершеннолетних, безусловно, сделаны исключения, но все же они остаются в некоторой степени ограниченными в своей процессуальной дееспособности.

Несовершеннолетние относятся к социально незащищенным слоям населения, потому что в силу возраста не могут осуществить и защитить свои права самостоятельно. Родители (опекуны, усыновители) призваны обеспечить осуществление и защиту прав несовершеннолетних. Содержание правосубъектности предоставляет лицу способности участвовать в правоотношениях, совершая юридически значимые действия, обеспечивая возможность осуществлять и защищать свои права. Современное российское законодательство осуществляет дифференциацию правосубъектности несовершеннолетних лиц, постепенно предоставляя им часть ее объема. Правоспособность физического лица возникает с момента рождения и прекращается со смертью, дееспособность в полном объеме возникает с достижением совершеннолетия. Дети в возрасте до 6 лет признаны законодателем недееспособными. Несовершеннолетние в возрасте от 6 до 14 лет обладают частичной дееспособностью, которая позволяет им самостоятельно совершать некоторые юридически значимые действия. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают относительной дееспособностью, объем которой значительно приближает их к полностью дееспособным лицам. Существуют также механизмы приобретения полной дееспособности до достижения совершеннолетия (вступление в брак и эмансипация) и механизм ограничения и без того неполной дееспособности несовершеннолетнего (например, возможность ограничить несовершеннолетнего в праве самостоятельно распоряжаться своим заработком или иными доходами). Международное право не дифференцирует правосубъектность несовершеннолетних в зависимости от возраста. Международные нормы закрепляют общие положения защиты прав детей, которые имплементированы во внутреннее право государств, принявших их. В своих элементах правосубъектность совершеннолетнего лица не отличается от правосубъектности несовершеннолетнего, предоставленный объем прав и обязанностей также одинаков, и изначально в международном праве защита прав детей не была отличной от защиты прав человека – так сложилось исторически.

Толчок развитию законодательства о необходимости дополнительной защиты прав детей, в том числе на международном уровне, дали события и последствия Первой мировой войны. Ученые отмечают, что именно в этот период мировое сообщество обратило внимание на то, что права детей ущемляются, нередко случаи жестокого обращения с детьми, родители допускают невнимательность по отношению к детям, что и повлекло за собой создание в 1924 году Женевской Декларации прав ребенка [1, с. 225]. Женевская Декларация признала, что права ребенка нуждаются в специальной охране, направленной на установление справедливого, гуманного и заботливого отношения к

детям, в том числе путем закрепления особых мер наказания за нарушения прав ребенка в различных сферах, определив основные принципы. Женевская Декларация прав ребенка, принятая Лигой Наций, не смогла сплотить все государства в вопросах защиты прав детей, национальное законодательство государств не было подчинено тем принципам, которые установила Декларация.

В то же время данная Декларация была важнейшим шагом в создании законодательства защиты прав детей. Позднее (в 1948 г.) Генеральная Ассамблея ООН приняла Всеобщую Декларацию прав и свобод человека, благодаря которой была выделена отдельная отрасль защиты прав ребенка. Через 10 лет был принят еще один важный международный акт – Декларация прав ребенка 1959 г., которая провозглашала, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, в том числе со стороны законодателя, ребенку необходимо обеспечить счастливое детство, образование и т. д. Очень важным было положение и о том, что дети должны быть защищены от жестокого отношения и эксплуатации. Однако данный документ был ратифицирован очень небольшим количеством государств.

Значительным событием в области защиты прав ребенка стала Конвенция о правах ребенка 1989 года³ (далее – Конвенция). С тех пор данный документ является основополагающим для всех национальных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения защиты прав детей. Сущность Конвенции состоит в закреплении и признании основных требований, которые способны обеспечить права детей на выживание, развитие, защиту, активное участие в жизни общества. Е. В. Бунова отмечает, что принятие Конвенции о правах ребенка 1989 года отражает сложившуюся необходимость в дополнительной защите прав несовершеннолетних, являющихся наиболее уязвимой частью социума, не способной самостоятельно осуществлять и защищать свои права [2, с. 49].

Конвенция закрепила само понятие «ребенок», в соответствии с которым ребенком признается каждое человеческое существо до достижения им возраста 18 лет (если по национальному законодательству он не достигает совершеннолетия ранее). Российское законодательство не оперирует понятием «ребенок», чаще всего употребляются термины, обозначающие ту или иную возрастную группу несовершеннолетних. Толкуя понятие «ребенок», данное Конвенцией, мы можем заключить, что ребенком является несовершеннолетнее лицо, не достигшее возраста 18 лет. Конвенция допускает, что несовершеннолетний может приобрести полную дееспособность ранее 18 лет, если это предусмотрено национальным законодательством.

Защита прав ребенка в международном праве осуществляется путем закрепления норм, регулирующих различные виды общественных отношений, и Конвенция о правах ребенка 1989 года не является единственным документом, защищающим права несовершеннолетних, хотя, безусловно, содержит фундаментальные положения, которые дали толчок развитию международной правовой защиты прав детей.

Нормы о правах ребенка, закрепленные Конвенцией, были имплементированы в национальное право различных государств, приобретая особенности того или иного национального законодательства. Как мы уже отмечали, ребенок обладает во многом тем же набором субъективных прав и обязанностей, что и совершеннолетний субъект, и существует мнение (например, Н. Н. Коновалов), что дети не нуждаются в дополнительной специальной защите, потому что Конвенция о правах ребенка во многом повторяет положения Всеобщей Декларации прав человека и других международных

³ Конвенция о правах ребенка : одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 15.02.2024).

актов, касающихся прав человека [3, с. 26]. В научном поле всерьез обсуждаются положения о том, что ребенок не является субъектом права, а объектом прав своих родителей или государства [4]. С подобным посылом сложно согласиться. Обсуждение положений о том, что дети эмоционально зависят от родителей и не могут самостоятельно прервать эту связь, о важности или пагубности связей генетического, этнического или религиозного характера всегда заводит в тупик. Выходом, на наш взгляд, является понимание того, что мы должны сохранять человеческий потенциал, что невозможно без продолжения рода и дополнительных механизмов его защиты. Ребенок до определенного возраста не в состоянии осознать свои потребности, способности и возможности, а осознав их, не всегда способен их реализовать и защитить без посторонней помощи. Существуют такие ситуации, когда ребенку нужна защита от его же родителей (опекунов, попечителей), и такую защиту должно обеспечить государство. Государство должно обеспечить и иные права ребенка, пусть они по сути и не отличаются от прав взрослого человека, но дети являются наиболее незащищенной частью социума, их сознание и воля не развиты должным образом, самостоятельно осуществить и защитить свои права они не могут – именно этот фактор является главным аргументом для создания механизма защиты прав и интересов детей. Конвенция закрепляет обязанность государства уважать права ребенка, обеспечить каждое из предоставленных прав и свобод без какой-либо дискриминации.

Международное право не содержит четких критериев дифференциации правосубъектности и правового статуса ребенка в зависимости от его возраста, но общие принципы и положения, закрепленные в международном праве, дают четкие установки государствам, как именно они должны осуществлять регулирование и защиту прав детей, о чем писала Ю. Н. Авдоница [5, с. 25; 6, с. 220].

Механизм доступа детей к правосудию закреплен в ст. 12 Конвенции, которая предусматривает право ребенка быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства, затрагивающего ребенка, либо непосредственно, либо через представителя или соответствующий орган в порядке, предусмотренном нормами национального законодательства. Как видим, Конвенцией не определен начальный возраст ребенка, с которого он может быть заслушан в суде, однако, ст. 12 Конвенции оговаривает, что доступ ребенка к правосудию осуществляется по правилам национального законодательства. Сложно предположить, что право быть заслушанным в суде охватывает весь объем процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, хотя определенный доступ к правосудию обеспечивает.

Современное российское гражданское процессуальное законодательство регулирует процессуальную дееспособность несовершеннолетних, устанавливая их неполную процессуальную дееспособность. Конвенция указывает на то, чтобы государства-участники обеспечивали каждое из предоставленных ребенку прав, национальное право России в свою очередь использует привычный механизм неполной процессуальной дееспособности несовершеннолетних.

Отметим, что прослеживается прямая связь между доступом к правосудию и возможностью эффективно осуществить право на защиту. Обеспечение доступа ребенка к правосудию, предусмотренное Конвенцией, предполагает беспрепятственный доступ к судопроизводству, затрагивающему права детей.

Семейный кодекс Российской Федерации⁴ предусматривает, что каждый ребенок имеет право на защиту и может быть заслушан в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 56 СК РФ), тем самым, норма национального

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации : СК : принят Гос. Думой 8 декабря 1995 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 15.02.2024).

законодательства полностью повторяет норму ст. 12 Конвенции. Статья 57 СК РФ предусматривает, что мнение ребенка, достигшего 10 лет, необходимо обязательно учитывать, данная норма, на наш взгляд, не ограничивает доступ ребенка к правосудию, так же как и нормы ст. ст. 72, 132, 145 СК РФ, о чем писала А. А. Чечулина [7 с. 41]. Верховный Суд Российской Федерации высказал свое мнение о том, что Семейный кодекс Российской Федерации не предусматривает минимального возраста, с которого ребенок может быть заслушан в ходе любого судебного разбирательства, затрагивающего его права и интересы. Право быть заслушанным в суде предоставлено ребенку, способному сформулировать свои собственные взгляды (Обзор практики рассмотрения в 2012 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2013 г.). На необходимость уделять должное внимание взглядам ребенка в соответствии с его возрастом и зрелостью указано также и в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации «О практике рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г.», утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2019 г. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» также высказана подобная позиция о том, что при судопроизводстве по обозначенным категориям дел следует придерживаться положений ст. 12 Конвенции о правах ребенка и ст. 57 СК РФ.

Констатируем, что норма ст. 57 СК РФ, предусматривающей, что мнение ребенка, достигшего 10 лет, необходимо учитывать обязательно, не исключает возможности учитывать мнение ребенка, не достигшего 10 лет. Не согласимся с мнением о том, что в российском праве отсутствует механизм реализации нормы ст. 57 СК РФ в части, допускающей выяснить и учесть мнение ребенка в возрасте до 10 лет. ГПК РФ⁵ предусматривает правила процессуальной дееспособности несовершеннолетних лиц: ст. 37 ГПК РФ устанавливает, что права, свободы и законные интересы несовершеннолетних, не достигших 14 лет, защищают в суде их законные представители, к которым относятся не только родители, опекуны и усыновители, но и органы опеки и попечительства, а также другие органы и организации в соответствии с федеральным законодательством. Представители в таких случаях транслируют мнение ребенка, учитывая его интересы и права, при этом законом не запрещено заслушать мнение самого ребенка. Следует учитывать, что малолетний ребенок не всегда верно высказывает свое мнение, оно может быть искажено им же самим в силу особенностей восприятия детей в таком возрасте. Участие несовершеннолетнего в судопроизводстве предполагает присутствие органов опеки и попечительства, педагога, психолога, которые помогут верно воспроизвести и правильно понять мнение ребенка. Подобный механизм также направлен на обеспечение доступа ребенка к правосудию, в том числе и реализации его права быть заслушанным [8, с. 72; 9, с. 58]. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, по правилам ст. 37 ГПК РФ, в некоторых случаях могут осуществлять свои процессуальные права самостоятельно. Институт представительства несовершеннолетних достаточно хорошо развит в России и может в

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : ГПК : принят Гос. Думой 23 октября 2002 года : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 года : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 15.02.2024).

полной мере обеспечить реализацию несовершеннолетним права на защиту в различных формах [10, с. 77; 11, с. 130]. Отсутствие ювенальной юстиции или специальных институтов представительства несовершеннолетних не может свидетельствовать о том, что детям не обеспечен доступ к правосудию (административному производству).

Несовершеннолетний в возрасте до 10 лет не способен четко осознать свои потребности, понять, что для него важно, выгодно, что в его интересах. В такой ситуации на помощь приходят его законные представители. Отметим, что в возрасте от 10 до 18 лет ребенок не во всех ситуациях способен сделать юридически правильный выбор, что также может быть компенсировано институтом представительства. Институт представительства несовершеннолетнего направлен на обеспечение осуществления прав и интересов детей любого возраста и положения, гарантируя при этом защиту прав ребенка, в том числе и путем предоставления доступа к правосудию.

Безусловно, существуют ситуации, когда ребенку нужна защита от его же законных представителей. Подобные ситуации не так редки, как хотелось бы, но не являются нормой [12, с. 47; 13, с. 148]. Право же призвано позитивно регулировать возникающие общественные отношения и не может ориентироваться только на негативные ситуации. Отметим, что специальные механизмы представительства несовершеннолетних, ювенальная юстиция не способны искоренить случаи нарушения прав детей. В то же время существующий механизм доступа несовершеннолетних к правосудию и институт представительства в полной мере обеспечивают реализацию прав ребенка на судебную (административную) защиту.

Российское законодательство обеспечивает реализацию норм международного права, закрепляющих право несовершеннолетнего быть заслушанным в суде. Процессуальная дееспособность несовершеннолетнего обеспечивает ему доступ к правосудию через институт законного представительства. Право быть заслушанным в суде, предусмотренное ст. 12 Конвенции о правах ребенка 1989 г., является лишь частью содержания процессуальной дееспособности несовершеннолетнего, предоставляемой законодательством Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н. В. Власова, Н. Г. Доронина, Т. П. Лазарева и др.; отв. ред. Н. Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2023. 672 с.
2. Бурова, Е. В. Имплементация норм международного права по защите детей в законодательство РФ // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 45–52.
3. Коновалов, Н. Н. Международно-правовые стандарты охраны прав и свобод личности и запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних: проблемы соотношения российского и международного права // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 26–29.
4. Кравчук, Н. В. Рецензия на книгу: «Глобальные размышления о правах ребенка и праве. 30 лет после Конвенции по правам ребенка» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3. С. 204–205.
5. Авдониная, Ю. Н. Доступ детей к правосудию: международный аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 22–30.
6. Авдониная, Ю. Н. Особенности субъектного состава по делам о защите прав несовершеннолетних в гражданском процессе: постановка проблемы // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 205–223.
7. Чечулина, А. А. К вопросу о реализации права ребенка быть заслушанным в суде // Российский судья. 2022. № 9. С. 35–43.

8. Туманова, Л. В. Самостоятельный процессуальный статус несовершеннолетнего // Российская юстиция. 2023. № 1. С. 70–74.
9. Ярошенко, Т. В. Проведение закрытого судебного заседания в гражданском процессе: некоторые проблемные вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 57–66.
10. Савельев, А. И. Обеспечение криминологической безопасности несовершеннолетних на международном уровне // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 75–92.
11. Хабриева, Т. Я., Ковлер, А. И., Курбанов, Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2023. 384 с.
12. Гребенькова, Л. А. Роль международных организаций и международного права в обеспечении несовершеннолетними защиты от вовлечения в противоправную деятельность, опасную для их жизни и здоровья // Международное право и международные организации. 2021. № 4. С. 44–59.
13. Михайлов, В. К. Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 138–151.

REFERENCE

1. Vlasova H. V., Doronina N. G., Lazareva T. P. Problemy unifikatsii mezhdunarodnogo chastnogo prava: monografiya [Problems of unification of private international law: monograph]. Moscow, 2023, 672 p.
2. Burova E.V. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava po zashchite detey v zakonodatel'stvo RF [Implementation of international law on the protection of children in the legislation of the Russian Federation]. Semejnoe i zhilishchnoe pravo – Family and housing law. 2024, no. 1, pp. 45-52.
3. Kononov N.N. Mezhdunarodno-pravovyye standarty okhrany prav i svobod lichnosti i zapret propagandy netraditsionnykh seksual'nykh otnosheniy sredi nesovershennoletnikh: problemy sootnosheniya rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [International legal standards for the protection of individual rights and freedoms and the prohibition of propaganda of non-traditional sexual relations among minors: problems of the relationship between Russian and international law]. Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo – International public and private law. 2020, no. 4, pp. 26 - 29.
4. Kravchuk N.V. Retsenziya na knigu: «Global'nyye razmyshleniya o pravakh rebenka i prave. 30 let posle Konventsii po pravam rebenka» [Book review: «Global reflections on child rights and law. 30 years after the Convention on the Rights of the Child»]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo – Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. 2022, no. 3, pp. 204-205.
5. Avdonina Yu.N. Dostup detey k pravosudiyu: mezhdunarodnyy aspekt [Children's access to justice: international aspect]. Arbitrazhnyy i grazhdanskiy process – Arbitration and civil process. 2022, no. 6, pp. 22-30.
6. Avdonina Yu.N. Osobennosti sub'yektnogo sostava po delam o zashchite prav nesovershennoletnikh v grazhdanskom protsesse: postanovka problem [Features of the subject composition in cases of protection of the rights of minors in civil proceedings: statement of the problem]. Vestnik grazhdanskogo processa – Vestnik of civil process. 2022, no. 6, pp. 205 - 223.
7. Chechulina A.A. K voprosu o realizatsii prava rebenka byt' zaslushannym v sude [On the issue of realizing the child's right to be heard in court]. Rossijskij sud'ya – Russian Judge. 2022, no. 9, pp. 35-43.

8. Tumanova L.V. Samostoyatel'nyy protsessual'nyy status nesovershennoletnego [Independent procedural status of a minor]. Rossijskaya yusticiya – Russian justice. 2023, no. 1, pp. 70 - 74.

9. Yaroshenko T.V. Provedeniye zakrytogo sudebnogo zasedaniya v grazhdanskom protsesse: nekotoryye problemnyye voprosy [Conducting a closed court hearing in civil proceedings: some problematic issues]. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process – Arbitration and civil proceedings. 2023, no. 6, pp. 57-66.

10. Savelyev A.I. Savel'yev A.I. Obespecheniye kriminologicheskoy bezopasnosti nesovershennoletnikh na mezhdunarodnom urovne [Ensuring the criminological safety of minors at the international level]. Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review. 2024, no. 1, pp. 75–92.

11. Khabrieva T.Ya., Kovler A.I., Kurbanov R.A. Doktrinal'nyye osnovy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: monografiya [Doctrinal foundations of practice of the Supreme Court of the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2023, 384 p.

12. Grebenkova L.A. Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy i mezhdunarodnogo prava v obespechenii nesovershennoletnimi zashchity ot vovlecheniya v protivopravnyuyu deyatel'nost', opasnuyu dlya ikh zhizni i zdorov'ya [The role of international organizations and international law in providing minors with protection from involvement in illegal activities that are dangerous to their life and health]. Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii – International law and international organizations. 2021, no. 4, pp. 44-59.

13. Mikhailov V.K. Obespecheniye otkrytosti i glasnosti suda kak garantiya nezavisimosti pravosudiya [Ensuring openness and publicity of the court as a guarantee of the independence of justice]. Zhurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2022, no. 2, pp. 138 - 151.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белозерцева Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин. Восточно-Сибирский институт МВД России. 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belozertseva Victoria Vladimirovna, candidate of law, assistant professor, Head of the department civil law disciplines. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074 Irkutsk, Lermontov st. 110.

Статья поступила в редакцию 19.03.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 18.09.2024.

The article was submitted 19.03.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 18.09.2024.